

Чанк бежал трусцой вдоль бордюра, ожидая, пока Уитни закончит блевать в траву. Остальных парней и Йи он отправил дальше без них, потому что, вопреки распространенному мнению, «морские котики» были способны сопереживать.

— Это действительно необходимо? — спросила она, стоя на четвереньках и не глядя на него, ее голос был одновременно усталым и взволнованным.

— Что необходимо?

— Бегать на месте, пока ты ждешь меня. Такое ощущение, что ты втираешься в доверие.

— Это просто хорошая физиологическая наука. — он искренне рассмеялся. — Я согреваю свои мышцы и поддерживаю пульс, чтобы не впасть в состояние покоя.

— Угу. — сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Потому что это похоже на то, что ты втираешь.

— Первый заезд всегда самый трудный. — сказал он. — Завтра ты будешь чертовски болеть, но через три недели ты будешь потрясена тем, как далеко ты продвинулась. Человеческое тело — удивительно адаптивная машина. — она сплюнула в последний раз, поднялась на ноги и, покраснев, посмотрела на него. — Твой цвет выглядит лучше. — сказал он с самодовольной улыбкой. Затем, увидев реакцию, на которую он рассчитывал, добавил. — Ничего, давай, говори. У нас тут так принято.

— Ты уверен?

— Да, бей в меня из обоих стволов.

— Да пошел ты со своей гребаной шестимильной пробежкой.

— Чувствуешь себя лучше? — он одобрительно кивнул.

— Намного лучше. — сказала она и наконец-то одарила его вызывающей улыбкой, которую он так ждал.

— Мы прошли половину пути. Разворачиваться и идти обратно будет дольше, чем завершить цикл. Итак... ты готова?

— Хорошо, но я буду задавать темп. — она издала вздох раздражения.

— Конечно. Это даст нам возможность поговорить.

Несмотря на желание подтолкнуть ее, он сдержал свое обещание и позволил ей задавать темп, который был настолько медленным, что он почти мог идти.

«Все в свое время...»

— Итак, Уитни, я ничего не слышал о тебе за последние две недели... — они пробежали в молчании четверть мили, прежде чем он сказал.

— Я работала. — сказала она с оборонительным акцентом.

— Я знаю, я видел, как ты полночи работала в своем офисе... Позволь мне перефразировать. Над чем ты работала?

— Я начал с ознакомления со старыми отчетами о последствиях действий «Первого уровня» — начиная с года до операции «Крестonosец». Затем я просмотрела личные дела каждого члена команды, включая тебя, и после этого изучила последние двенадцать месяцев операций, которые ты проводил в Команде Четыре.

— О-о-о-ох... — сказал он, ее инициатива и наглая откровенность застали его врасплох. — Логично, полагаю. У тебя есть вопросы?

— Десятки...

— Отлично, задавай.

— Особенно меня привлекла твоя последняя операция с «Командой Четыре», тот пакистанский грузовой корабль в Аравийском море.

— Да?

— В оценке, которую подготовило ЦРУ, есть несколько дыр. Может быть, ты сможешь мне заполнить их?

— Я могу попытаться. — сказал он, мысленно возвращаясь к той необычной ночи.

— Читая между строк, я понимаю, что вы столкнулись с сопротивлением при захвате судна, но в оценке мало конкретики.

— Оценки угроз обычно стараются держать их на более высоком уровне, но да, мы столкнулись с сопротивлением. Десять сотрудников контрактной службы безопасности в форме без опознавательных знаков были на борту для защиты груза. Я не смог подтвердить их личность

или работодателя, но на мой взгляд, они были восточноазиатского происхождения.

— Китайцы?

— Я бы сделал ставку именно на них, но я никогда не следил за этим.

— Вы знаете, какое оборудование было извлечено из грузового отсека?

— Нет. Мы сдали корабль спецслужбам и не стали задерживаться для распаковки.

— Тебе интересно узнать, что на нем было? — спросила она, глядя на него во время пробежки.

— Да, вообще-то, да.

— Китайское военное оборудование. Ракеты «HJ-10» класса «земля-воздух», ПЗРК и ящики с тем, что, по мнению ЦРУ, является компонентами беспилотников.

— Мы все знаем, что у китайцев есть оборонные контракты на поставку пакистанским военным оборудования и систем, так что на первый взгляд это не удивительно. — сказал Чанк. — Но что мне кажется странным, так это то, что китайские парни, которых мы захватили, были вооружены, но определенно не из ССО. Они действовали как наемники, а не как оперативники.

— Именно такой детали не хватало в оценке угрозы. — сказала она, выдавливая слова между тяжелыми штанами. — Этот корабль направлялся в Гвадар, небольшой морской порт на западе Пакистана. Если бы это было законное выполнение оборонного контракта, то я бы ожидала, что доставка произойдет в Карачи на грузовом судне под китайским флагом. Корабль, в который вы врезались, был пакистанским грузовым судном.

— Согласен. Значит, ты думаешь, что это была незаконная торговля оружием?

— Да, и, учитывая порт, вероятно, для клиента джихадистов. — сказала она. — И есть еще кое-что...

— Продолжай.

— У меня нет ни малейшего доказательства того, что я собираюсь сказать. Это чистое предположение.

— Хорошо. Я слушаю.

— Вчера по пути в Джей-Бад был подбит армейский конвой.

— Я слышал.

— По предварительной оценке, они подорвались на СВУ, но я думаю, что это был ракетный удар.

— На каком основании? — он уже достаточно узнал о ней, чтобы понять, что не стоит сбрасывать со счетов все, что она говорит. Тем не менее, это казалось надуманным.

— Я видела много фотографий самодельных взрывных устройств и ракетных ударов, и последствия здесь выглядят как последние.

Он поджал губы, бегая рядом с ней в темпе улитки. Она казалась довольно стройной. С другой стороны, у нее была репутация человека с почти идеальным чутьем в оценке разведанных, поэтому ее и наняли. А намек на то, что террористы на театре военных действий могут иметь доступ к китайским ракетам класса «земля-воздух», был слишком пугающим, чтобы его игнорировать.

— Ты думаешь, это связано с моей последней операцией в «Команде Четыре»?

— Не напрямую, конечно. — сказала она. — Мы конфисковали это оружие. Но я не верю в совпадения. Ракеты китайского производства на грузовом судне, которое вы перехватили, направлялись в Пакистан для каких-то незаконных целей. Были ли другие грузы, которые мы пропустили, и если да, то куда попало это оружие?

— Ты была занята. — сказал он, повернувшись, чтобы посмотреть на нее, пока они бежали трусцой. Если она была права, последствия для их сил на Ближнем Востоке были просто ужасающими.

— Я же говорила.

— Вот что я тебе скажу. — сказал он. — Продолжай работать, пытаясь соединить точки, и если ты придумаешь что-то конкретное, мы сможем донести это до Боумана.

— Вас поняла. — сказала она — впервые он услышал, как она использует военную речь.

— Хороший знак. — усмехнулся он про себя, пробегая вперед. Она уже начинает говорить как мы.